

Василий Аксенов

В районе площади Дюпон

*Часть сборника
Негатив положительного героя
(сборник)*

Негатив положительного героя

Василий Аксенов

В районе площади Дюпон

«ЭКСМО»

Аксенов В. П.

В районе площади Дюпон / В. П. Аксенов — «Эксмо», — (Негатив
положительного героя)

ISBN 978-5-457-11310-7

«Пропал Женя Кацнельсон, по-американски говоря, Джин Нельсон. В редакции журнала, где он работал «фриланс», ну внештатником, его хватились не сразу. Этот журнал, в общем-то, был как бы и не совсем журналом, а скорее обществом, ассоциацией, что ли, наблюдавшей за процессами демократии и тирании, ну и так далее. Там был, конечно, большой русский отдел, и Женя туда ходил каждый день, хотя мог и не ходить...»

ISBN 978-5-457-11310-7

© Аксенов В. П.

© Эксмо

Василий Аксенов

В районе площади Дюпон

Пропал Женя Кацнельсон, по-американски говоря, Джин Нельсон. В редакции журнала, где он работал «фриланс», ну внештатником, его хватились не сразу. Этот журнал, в общем-то, был как бы и не совсем журналом, а скорее обществом, ассоциацией, что ли, наблюдавшей за процессами демократии и тирании, ну и так далее. Там был, конечно, большой русский отдел, и Женя туда ходил каждый день, хотя мог и не ходить. Все-таки он считал своим долгом появляться там ежедневно, или, может быть, ему какая-то подсознательная хитрость так диктовала: ходи, мол, каждый день, приучишь к своему присутствию, и тогда тебя возьмут в штат. Ситуация довольно типичная: русские «фрилансы» в подобного рода заведениях вообще качаются, употребляя заезженную философскую метафору, как «мыслящий тростник».

Метафора сия пришлась тут, надо сказать, кстати. Он всегда как бы слегка покачивался под каким-то своим внутренним ураганчиком, этот Женя Кацнельсон. Придешь иной раз в эту самую «Конституцию» (так назывался журнал), и тут вдруг среди преувеличенной деловитости от стены к тебе качнется такая сугубо московская фигура. Славный, хорошенький человек с оленьими глазами лет сорока. Глаза лет сорока, а фигура юношеская. Курточка до пояса, ну джинсы, теннисные туфлишки, такой универсальный молодежный стиль, приятный и у нас, в районе площади Дюпон.

Я помнил его еще по Москве, или мне казалось, что помнил. Не исключено, что мы не раз оказывались за одним столом в каких-нибудь шумных артистических компаниях. Он, во всяком случае, постоянно мне напоминал о разных московских людях, нередко знаменитостях. Не слышал, как там Олег, или как там Галка, или какой-нибудь Юстинас? Мы выходили покурить – в учреждении уже шло свирепое искоренение никотина – и, стоя на лестнице, упражнялись в московских сплетнях пятилетней давности. У Жени глаза тогда начинали даже как бы светиться некоторой дерзновенностью, и шаткости убавлялось; он явно вспоминал нехудший период своей жизни.

Однажды он сунул мне свою «каррикулум витэ» (для непосвященных – это нечто вроде анкеты и автобиографии вместе), чтобы я ее где-то показал на предмет поисков работы. Бумага отражала не очень-то нетипичную судьбу русского художественного мальчика. Окончил архитектурный институт, выпустил книжку стихов, играл в джаз-рок-ансамбле «Склад оружия», был лектором по древним сооружениям в обществе «Знание», снялся в кино, поставил пьесу и... эмигрировал.

Тут у нас многие в эмиграции как-то чрезмерно демонизируют, то есть героизируют свой поступок. Эдакие взбунтовавшиеся ангелы социализма! «Мы голосовали ногами против советской власти!» Однако, голосуя ногами, надо все-таки хоть раз ей под задницу ногой заехать, не так ли? Ну уехали, господа, и уехали, не надо, право, уточнять, кто чем голосовал против старухи, и уж тем более высокомерничать по отношению к оставшимся.

Женя Кацнельсон был не из тех, что кичились своим «поступком». Он явно тосковал по прежней жизни, где помнилось ему все то, что было, пропетое окуджавами, галичами, высоцкими, верониками долиными, все то московское, волнующее, непонятное в журнале «Конституция». В Америке он «резидентствовал» с середины семидесятых, то есть больше десяти лет к тому моменту, как пропал. Как художественная личность здесь себя, мягко говоря, не очень-то проявил. В «Конституции» он занимался в основном разборкой советской прессы, производством дайджестов для начальства, кое-каким переводом. Деньжата все-таки притекали более или менее постоянным ручейком, что позволило ему в конце концов получить в банке заем для покупки квартиры. Помнится, он был колоссально взвол-

нован и горд этим обстоятельством. Еще бы, свой дом! Знаешь, заведу себе собаку! Буду жить вдвоем со своим сеттером! Бедняга какая, подумал я тогда о нем каким-то странным макаром. Экая в самом деле бедняга, почему-то подумалось в каком-то российском литературном, штабс-капитанском ключе.

Кажется, я никогда не встречал Женю за пределами «Конституции» и тем более ни разу на «нашингтонских» русских, или американских, или смешанных сборищах. Кто-то как-то сказал, что этот Кацнельсон такой застенчивый. Другой кто-то по-ноздrevски захохотал: «Не люблю я, братцы, этих застенчивых!» Нет, пардон, вру. Однажды моя жена пригласила его на шумный «парти». Он там стоял с напитком в руке, бледный такой, не в своей тарелке, если можно так сказать о вечеринке, где не было ни одной настоящей тарелки, одни бумажные; эдакий «лишний человек» в эмигрантском варианте. Кажется, мы тогда перекинулись с ним двумя-тремя фразами о расколе МХАТа, но, может быть, это было не тогда и не у нас, а, как обычно, на лестнице для курящих.

В общем, он однажды пропал. Мне об этом сообщил по телефону болгарский философ Валериан Валерианов. Оказывается, уже недели две Женя не появлялся в журнале. Не менее двух недель, если не три. Может быть, даже около месяца. Наконец решили позвонить мне как человеку, с которым Кацнельсон дружил. Если наши отношения считались там дружбой, любопытно, что же считалось товариществом в международном органе по наблюдению за тиранией?

Жена моя начала обзванивать знакомых. Никто не знал даже, где он живет, где размещается этот его пресловутый «кондоминиум». Кто-то вспомнил, что видел его как-то на Дюпоне с молодым ирландским сеттером на поводке, будто бы того звали то ли Михаилом, то ли Кузьмой, что-то в этом роде, но это было, похоже, задолго до того, как он пропал. Одна дама предположила, что некоторая компания в Нью-Йорке должна доподлинно знать, куда пропал Кацнельсон, ведь он, собственно говоря, как раз к этой компании и принадлежал. Для меня это было ново. Я никогда от него ничего не слышал ни о какой нью-йоркской компании. Никаких имен никто в Вашингтоне не знал, и все разводили руками: не обзванивать же весь эмигрантский корпус Манхэттена.

Потревоженная русским булькотением, «Конституция» сделала официальный запрос в полиции. Там никаких «рекордов» на Джина Нельсона не обнаружилось. Кто-то предположил, что он мог вернуться в Москву. Все-таки там сейчас климат значительно изменился, коммунисты стали себя вести поприличнее. В журнале вспомнили, что у него недавно были неприятности в связи с Москвой. Оказывается, людям из этой организации нельзя было ездить в Москву без разрешения начальства. И вот однажды одна сотрудница, такая Агриппина Пристова, которая была в Москве с разрешения начальства, увидела на улице Горького Кацнельсона, который там был без разрешения. Вернувшись, она сочла своим долгом доложить, то есть, если бы это было не в Америке, можно было бы сказать, что настучала. Кацнельсона пригласили в «персонел», то есть в отдел кадров. Вспомнив об этом, Валериан Валерианов сказал, что это было вопиющим нарушением Женькиных гражданских прав и он ничуть бы не удивился, узнав, что тот свалил в Москву после такого унижения. С другой стороны, кто-то, может быть, все та же злокозненная Агриппина Пристова, подпустил, что Кацнельсон мог спокойно оказаться внедренным «нелегалом» советского шпионажа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.